

В поместье Болтонов в Вене собралось более десятка хорошо одетых людей. Хотя они изо всех сил старались контролировать это, они все еще не могли скрыть темперамент нуворишей.

Хорошо одетый мужчина средних лет заколебался и спросил: «Оуэн, эти болваны подойдут? Даже если мы достанем им оружие, неужели такая толпа ни к чему то придёт? »

Атмосфера в комнате была немного скучной.

Изящный и роскошный мужчина, сидящий прямо посередине, встал, улыбнулся и медленно сказал: «Лоф, конечно, мы не можем полагаться только на них! Однако мы не единственные в Австрии, кто хочет революции в это время!

Думаю, все уже почувствовали, какой ущерб нанес Австрии экономический кризис.

Можно сказать, что в Австрии восемьдесят процентов капиталистов понесли большие потери, а сотни тысяч людей остались без работы.

Поскольку правительство Вены ничего не делает с этой ситуацией, у нас нет другого выбора, кроме революции, если мы хотим выжить ».

Это было ключом к проблеме, однако до сих пор, когда большинство капиталистов было загнано в угол, они этого не осознавали.

В наши дни многие капиталисты Австрии накопили большое количество товаров. Если они не смогут продать их все за короткое время, их цепочка капитала развалится.

Теперь вопрос был в том, кто будет покупать товары?

Мирные жители определенно не могли себе их позволить, а в то время в Австрии было слишком мало людей с покупательной способностью.

С банкирами всегда было нелегко; как вампиры на высшей ступени капиталистического класса, они всегда были безжалостными и жадными.

Если капиталисты не хотели покончить с собой, переворот существующего строя и захват силы дворян были единственным способом выжить в кризисе.

Также было большое количество безработных, которые сталкивались с той же проблемой, может быть, они не хотели бунтовать, но им нужна была еда.

Если бы они были голодны, они потеряли бы свои чувства, в таком состоянии, пока их поощряли капиталисты, революция могла начаться в считанные минуты.

По сравнению с историей, социальные противоречия в Австрии за этот период изменились: это была не революция, инициированная людьми, которые не смогли реформировать правительство, а революция, навязанная реальностью.

Старик лет 50 или 60 покачал головой и сказал: «Мистер Оуэн, если предположить, что мы используем этих болванов для восстания, что, если они хотят создать пролетарское правительство и революционизировать нас вместе с правительством? »

Это также была проблема, которая волновала всех капиталистов, в эту эпоху идея пролетариата начала прорастать, и как только пролетариат установит правительство, всем им придет конец.

Оуэн улыбнулся и сказал: «Эта проблема очень проста, и наши французские коллеги помогли нам решить ее: после успеха революции, если мы сразу же захватим власть, беспокоиться не о чем.

В настоящее время в Вене насчитывается около 120 тысяч рабочих, которые находятся под нашим тщательным контролем, а организация разделена на сотни частей, больших и малых, в зависимости от отраслей и фабрик.

Пока они не могут быть объединены, новое правительство должно возглавляться нами. Никто из нас не верит, что кто-то из рабочих может организовать их вместе ».

Даже если бы они захотели объединиться, в эпоху неразвитых коммуникаций было бы трудно хотя бы познакомиться с членами другой профсоюзной организации.

Большинство этих профсоюзных организаций были спонтанными и не имели обязательных обязательств для своих членов. Также было неизвестно, сколько в них было капиталистических информаторов.

До Октябрьской революции в России боевая эффективность профсоюзных организаций была очень ограниченной, а значительная их часть тайно контролировалась капиталистами.

Если бы кто-то захотел организовать всех рабочих, он не смог бы сделать это в одночасье. Пока капиталисты установят правительство и контролируют власть в стране, опережая рабочий класс, результат будет очевиден.

Эту точку зрения могла подтвердить Февральская революция во Франции: после победы капиталисты захватили власть и вместо того, чтобы сразу же создать проблемы для бывшего правительства, они подавили рабочих, участвовавших в революции.

В глазах капиталистов моральная целостность была ничем.

...

Поздно ночью правительство Вены было ярко освещено, и премьер-министр Меттерних беспокоился о сложившейся ситуации. По крайней мере, одной группе интересов придется пойти на жертвы.

Положить ли ему под нож капиталистов, дворян или мирных жителей - это был трудный выбор.

Премьер-министр Меттерних доминировал на австрийской политической сцене более 20 лет, поэтому он неизбежно был связан правилами. Если бы он не был ими связан, у него не было бы этой головной боли.

Когда разразилась Парижская революция, в Австрии возникли различные подводные течения.

К сожалению, точка зрения премьер-министра Меттерниха на десять лет устарела, и он считал, что консервативная Австрия отличается от открытой Франции.

Хотя он и почувствовал тревогу в регионе Италии и Галисии, он не думал, что Вена окажется в опасности. По его мнению, даже если революция разразится, она вспыхнет в других местах, например, в Венгрии.

«Премьер, исходя из сложившейся ситуации, на этот раз оппозиция не пойдет на уступки.

Боюсь, что они спланируют еще одну, еще более крупную забастовку! » - сказал эрцгерцог Луи с бледным лицом.

Если единственным условием было отпустить премьер-министра Меттерниха, он поднял бы руку за. Однако бессмысленно просить Регентский комитет уйти вместе с премьер-министром и передать власть парламенту после конституционной реформы.

Как бы это ни было неудобно, эрцгерцог Людовик должен был поддержать Меттерниха, потому что их политическая жизнь была связана вместе.

Премьер-министр Меттерних вздохнул, а затем медленно сказал: «Да, они не сдадутся, если мы полностью не примем их условия. Боюсь, враги сейчас объединяются, и завтра мы встретим еще больший удар! Но если мы двинемся быстрее, чем они, арестуем лидера этой забастовки, прикажем гарнизону войти в город, заблокировать все перекрестки и не дать им собраться вместе, мы сможем остановить забастовку ».

Он был уже стар, без мужества юности; в противном случае он не колебался бы и уже приказал арестовать протестующих.

«Тогда давайте сначала схватим протестующих! Если мы позволим им уйти от этого, я боюсь, что потом мы не сможем контролировать ситуацию! » - сказал эрцгерцог Луи без колебаний.

Приказ должен быть отдан премьер-министром, который будет нести риск, и он не должен нести за это ответственность.

Меттерних сказал с кривой улыбкой: «Это всего лишь временное решение, и если внутренняя экономика не сможет улучшиться, подобные вещи будут происходить и дальше.

Отменим крепостное право. Прямо сейчас нам нужно создать рынок; даже если это только на бумаге. Мы также должны восстановить доверие к рынку! »

Действительно, объявление об отмене крепостного права в это время могло вернуть доверие многих людей. В конце концов, это могло бы увеличить покупательную способность более чем на 20 миллионов человек одновременно, даже если их покупательная способность была очень слабой.

<http://tl.rulate.ru/book/57175/1461700>